

Артём КОНЯХИН

Артём Александрович родился в 1992 году в городе Заречном. В 2009 году окончил среднюю общеобразовательную школу № 2 и поступил в Институт Юстиции Уральской государственной юридической академии, который успешно окончил. С сентября 2015 года замещает должность помощника судьи Белоярского районного суда Свердловской области.

Стихи начал писать ещё в школе. Более серьезно увлекся стихами во время учебы в университете, стал участвовать в поэтических вечерах и литературных конкурсах, печатался в студенческих газетах. Пишет обо всём, что волнует молодёжь в современном мире. Весьма взыскателен к своему творчеству.

Публикует свои стихи в социальных сетях и на специализированном сайте stihi.ru.

*Мне бы новую стрижку
и жара в крови,
Я бы целую книжку
написал о любви.
Мне бы новое утро
и жизни глоток.
Я хотел бы быть мудрым
хоть чуток, хоть чуток.*

ГОВОРЯТ, ЧТО ТЫ ВЫРОС

Говорят, что ты вырос. Давай поглядим.
Врут, наверное... Или?
Куклы стали большие,
вырезы – шире,
а вместо машинок – автомобили.

Вместо мягких игрушек – мягкий диван
или жёсткие нары.
Выбирая диван, можно сеть на иглу
и молиться окну,
и в окне – посещать вебинары,

чтоб не слышать, не видеть реальных людей.
Их тревожные тени,
выбирая одну из запретных идей,
атакуют друг друга весь день,
как в суде – участники прений.

Отвалились и сгнили смешные плоды
фруктового сада.
У не ставших вином
чувство вины
атрофировано – от досады.

Говорят, что ты вырос, на деле – зарос,
прикурил от глагола.
Возмужал, но теперь,
верь ты или не верь,
борода, не свидетельство пола.

Артём КОНЯХИН

Мы черствеем быстрее, чем черствеет батон,
и стареем быстрее, чем вчерашние Вести.
Нас подхватит поток –
неизменно притом –
оставляя на месте.

Мы годимся на то, чтоб кормить голубей,
рассыпаемся в хлебные крошки.
Говорят, что ты вырос – забей!
И подставь для пернатых ладошки.

АВГУСТ

Вместе с водой дождевой
утекает в канаву
август. Август, стой!
Холодком летний воздух отравлен.

Вместе со мной погибается год.
Из тумана и дыма
месяц нанёс ножевое в живот.
Мимо

пролетает последняя боль
и последняя свежесть,
а деревья в лесу совещаются между собой,
мне же слышится скрежет,

скрежетанье зубов. А потом –
недовольно и строго –
потрясают во тьму кулаком,
отдавая все листья в уплату налога.

Забирают, что есть – все остатки,
запасы, резервы, заначки.
Я вот-вот допишу на последней странице
последней тетрадки
из когда-то купленной пачки

несколько строк – миражи
из тумана и дыма.
Вот ещё один год и ещё одна жизнь –
всё проносится мимо.

Артём КОНЯХИН

Как накрахмаленный воротник –
упёршись в горло – день возник,
а я восстал,
и кроватьная пустота
опечалилась вслед за мной.

Пробуждение – свет в окно.
Подхожу к окну –
головой прильнуть
и уставиться в белый снег,
только он здесь есть, а меня здесь нет.

Всё банальное – было, и, чёрт возьми,
этот день - накрахмаленный воротник -
как возник,
так и убыл обратно – в своё никуда,
где таких же, как он, - снеговая орда.

ДЕТСТВО

Я провожаю снег в серое небо,
тихо читаю снежинкам слова молебна.
Сколько, сколько, сколько – не сосчитать,
я загибаю пальцы – потом опять.

Вышел во двор, я – маленький, мне 5 лет –
смотреть на слезящийся с неба балет.
Очередная узорница падает на рукав пальто,
я гляжу на переплетенья – но всё не то:

правильность белых линий не повторяется,
я удивлён, не согласен, мне это не нравится,
а белые балеринки, словно смеясь,
тонкими ножками затвердевают в новую вязь.

В руку беру карандаш – небоскрёб лилипутов -
есть у меня одна или две минуты,
пока осторожным дыханием неторопливым
я не сотру до капли снега мотивы.

Рисую на желтоватых страницах блокнота
то ли пьяную мельницу Дон Кихота,
то ли изрезанную страхом звезду Давида –
я ещё маленький – мне это не видно.

Блокнот мне достался от старшего брата,
наше детство уже не вернуть обратно,
и даже чёрное бабушкино пальто,
сколько ни лови на него узорниц, – уже не то.

СВЕРДЛОВСКИЙ ВЕЧЕР

Уже всё кончилось. Занятно
освободиться от занятий,
когда за окнами лишь пятна
светящихся почти некстати

высоких, тощих фонарей,
а солнце скрылось много раньше
в подвале кончившихся дней,
как перевод, – единым траншем.

И вот на улице – во тьме –
лишь острова цветного мира,
а между ними, в полусне,
под проводами ходит лира -

пустой трамвай негромких музык,
стального скрипа простота...
Свердловский вечер тонет грузом,
как камень, брошенный с моста

в простор реки событий прошлых,
воспоминаний тяжких, зыбких...
Вот фонари – мильон горошин
в салате ночи ненасытной.

Карбон небесного корыта
накроеет города жужжанье.
И как бы город ни был прыток,
разрежет месяца сиянье

Артём КОНЯХИН

стручки сгибающихся улиц,
неспелые плоды домов...
А пассажиры вдруг очнулись
от таинства коротких снов.

Раскрылись двери – остановка
конечная – и примет город
на полосу без заголовка
газеты «Дождь, темно и холод».

Ты затеряешься, как буква
среди букв - таких же точно чёрных
и скрюченных, лишённых звука,
в простые формы облечённых,

ненужных, грязных, бесполезных,
которым не даны права,
скользя по рельсам, как по лезвию,
когда-нибудь сложить слова.

И звёзды кажутся светлей

Так мало: четыре стены и подмости -
всё было чужое до самого мозга
костей.

И я, выходя к пустотелому залу,
себя раздирал на крикливые залпы
страстей.

А свет заслонял от притихшего мира,
который глотал с наслажденьем вампира
слова.

Мне эхом вернулась картина родная,
но голос - чужой, и звуков - больная
канва.

Сомненья росли, как сдобное тесто:
а может, на сцене тебе и не место,
сечёшь?

А где-то внутри подсознание кричало:
мне мало! мне мало! мне мало! мне мало!
Ещё!

Воспоминанья в пыли.
Моя двадцать первая осень.
Город горит свечками сосен
На торте уставшей земли.

Звёзды – мои корабли
На глади небесного моря,
Я выпью его – может, с горя,
А может, от жажды любви.

ЛЫЖНЫЕ ПАЛКИ

Я приеду к тебе, только лыжные палки возьму -
и тебе и себе, чтобы быть наравне ну хоть в чём-то.
Скандинавской походной тараня уральскую тьму,
посылаю условности общества к чёрту.

Я приеду к тебе, только выберу имя и время -
сомневаюсь, что будешь визжать от восторга,
если в четверть шестого зайвится в гости Андрей
и протянет две лыжные палки с порога.

Я приеду к тебе, даже если не ходит трамвай,
даже если метро ещё строится в стадии demo,
даже если живёшь в той стране, для которой "goodbye"
сочинили поклонники странного Немо.

Я приеду к тебе, не пугай меня старым ружьём,
что висит на стене в декорациях первого акта,
ты забыла про палки - мы будем полночи вдвоём
постигать биатлон до, во время и после антракта.

Я приеду к тебе и узнаю, что дом твой пустой -
убежала на рынок, сказали: за лыжную мазью,
закричу тебе вслед: «Дорогая, подумай, постой!»-
а ты будешь и дальше бежать за накаченной мразью.

Я приехал к тебе, и все бабки беззубо кричат
на скамейке – как в кресле судьи – у подъезда,
что ты палки меняешь, не думая, рубишь сплеча,
что ни день – то ремейки XX съезда!

И звёзды кажутся светлей

Я приехал к тебе, и я вижу, что куплена мазь,
у порога стоят незнакомые лыжные палки.
Понимаю: такая прогулка сейчас сорвалась,
а, быть может, и целая жизнь покатилась на свалку.

Я приехал к тебе. И уеду назад – от тебя,
я потратил весь день и всю жизнь проживу вхолостую,
я уеду сейчас, по мечте незабвенной скорбя.
Всё впустую. И лыжные палки впустую.

Артём КОНЯХИН

Фигурами на шахматной доске
мы двигаемся к боли и тоске
в пространстве постоянного наличия.
Какие указания, my teacher?

Я отошёл всего на пять минут –
попить воды, обдумать свой маршрут,
но время зажевало будто плёнку:
мне двадцать лет, безумному ребёнку,

а завтра будет сорок, или тридцать –
и толку нет страдать и суетиться.
Всё в жизни так: бессмысленно и ложно,
и смерть – венец всему,
что было в прошлом.

Небо – градообразующее предприятие.
Дождь – то бьёт, то заключает в объятия.
Ветер бежит стометровку, ног не отрывая,
Пролетает насквозь автобусы и трамваи.
Молния – одинокая и тонкая –
Яростная, потому что бездомная.
Гром – пробирает до дрожи стёкла:
Звуки тоже бывают мокрые.
Всё так быстро – грозы как жизни:
Чуть пошумело, остались брызги,
А потом и они высохнут на свету...
И остаётся только верить в мечту...

И звёзды кажутся светлей

Обморочное небо -
дайте ему кусок хлеба,
дайте ему чуток солнца,
не выдержит – порвётся!

Из раны на землю хлынет
вода цвета полыни,
вода с запахом депрессии
растворит все дома окрестные,

запрячет под зонты лица,
смоет с деревьев золотых принцев
и алых принцесс,
оставив пустыми комнаты во дворце.

А я не хочу, не люблю осень,
небо – нестиранную серую простынь,
дороги – братские могилы
цветущей жизненной силы.

Так дайте солнца изголодавшим –
день, два. Неважно, что дальше
синее небо всё равно умрёт.
Но пока – оно дышит. Пока – живёт.

Артём КОНЯХИН

Между тьмами этажей,
вросшими в поверхность города,
небо вытянуло шею –
длинную, худую, гордую.

Полоснул по ней закат
тонкими косыми бритвами.
Эту кровь готов лакать
литрами.

Ночь зашьёт косой порез,
только небо – мёртвое.
Звёзды – наподобье слёз,
но замёрзших, твёрдых.

Приоткрыт ослепший глаз
полумесяца.
Вдруг слезинка сорвалась,
будто с лестницы,

между тьмами этажей
вниз – к поверхности.
И пропала – вот сюжет –
без вести.

И звёзды кажутся светлей

Сижу в глуши, мне в радость звёзды –
так надоел свет фонарей.
Вот надо мной ночная простынь,
сквозная тьма небес-морей.

Натянут свод, он замер в штиле,
и звёзды кажутся светлей,
они – огни забытых или
на дно идущих кораблей.

И я хочу быть пассажиром
одной из призрачных кают –
соединившись с этим миром,
в пустом безмолвии тонуть.

Но я в глуши, где лес и поле,
и, слава богу, нет людей –
мне не мешают видеть в море
огни забытых кораблей...